

Оптимистическая модернизация = «макдональдизация»

Н.В. Громыко

Реформы, проводимые в настоящее время в отечественном образовании, являются неотъемлемой частью дальнейшей «макдональдизации» всего российского общества. Я имею в виду систему нормативного «подушевого финансирования», которая вводится в большинстве субъектов РФ с 2007 г.; тестирование в форме ЕГЭ, признанное в настоящее время главной формой проверки образовательных результатов в России; счетно-экономический подход, предлагаемый ВШЭ в качестве базисного для развития московского образования и модернизации всей системы российского образования в целом; ориентацию исключительно на заимствование зарубежных технологий, уже встроенных в «макдональдизированное» общество и эффективно обеспечивающих его воспроизводство.

Приведу всего одну цитату из доклада Я.И. Кузьмина и И.Д. Фрумина «Российская школа: оптимистическая модернизация», сделанного ими 18 июля на заседании консультативной рабочей группы Комиссии при президенте Российской Федерации по модернизации и технологическому развитию экономики России: «Сегодня можно утверждать, что российская система школьного образования в основном влилась в общее движение «нормальных» образовательных систем». Это утверждение делается авторами со ссылкой на западные авторитеты – доклад компании МакКинзи, в котором зафиксировано: «Сегодня российская система школьного образования в целом относится к «неплохим» образовательным системам».1 Резонно спросить: что значит «к неплохим»? К «неплохо» «макдональдизированным»?

Но «макдональдизация», как показывает все тот же зарубежный опыт, вовсе не есть хорошо. И «макдональдизированное» образование – это совсем не то, ради чего надо оптимистически модернизироваться. Трансформируемое под нормы фастфуда образование из сферы духовного производства превращается в эрзац-образование, оглупляющее и стандартизирующее людей. Тому в настоящее время представлено немало доказательств в книгах видных зарубежных аналитиков, всесторонне изучивших катастрофические последствия глубокого проникновения данного процесса во все поры американского общества.

Я имею в виду, например, книгу Джорджа Ритцера «Макдональдизация» общества -5».2 Здесь представлено впечатляющее описание того, как ресторан фастфуда добивается все большего доминирования в самых разных сферах

американского общества, в т. ч. в системе американского образования. Легко выстраивая аналогии с тем, что происходит у нас под вывеской оптимистической модернизации, российский читатель найдет здесь малоутешительный прогноз. Мы слишком спешим, заимствуя модель и технологии фастфуда, в частности, фастфуд-образования.

Каковы же его основные особенности? Они определяются основными особенностями самой модели фастфуда.

Ритцер выделяет в качестве таковых следующие: эффективность, просчитываемость, предсказуемость, контроль. **Эффективность** – это возможность «наилучшим образом организовать свой путь от голода к сытости»: например, получить еду, не выходя из машины (с. 76). «Просчитываемость означает акцент на количественных аспектах продаваемых товаров (размер порции, стоимость) и услуг (время, необходимое для получения чего-либо)» (с. 76). **Предсказуемость** выражена в гарантии того, что «все продукты и услуги будут одинаковыми в любое время и в любом месте. Нью-йоркский «яичный мак-маффин» будет во всех отношениях идентичен тому, что подадут в Чикаго или Лос-Анджелесе. Также съеденные на следующей неделе или в следующем году будут идентичны съеденному сегодня» (с. 78). И, наконец, **контроль**. Он «прилагается ко всем людям, которые входят в мир «Макдональдса» (с. 79). То же касается людей, работающих в «макдональдизированных» структурах: «Их учат производить ограниченное число операций именно так, как положено. Этот контроль усиливают используемые технологии и то, как именно организация обеспечивает надзор за ними. Менеджеры и инспекторы добиваются того, чтобы все ходили по струнке» (с. 79).

Взятые вместе четыре фактора успешности фастфуда составляют основу модели «макдональдизации» как социального явления. По этой модели выстроено и американское образование. Заимствуя ее, мы одновременно заимствуем «макдональдизацию» как основной тренд развития нашего общества.

На первый взгляд, что тут плохого? Все названные факторы, безусловно, отвечают требованиям времени, отмеченного резким ускорением ритма жизни. Применительно к образованию эффективность в данной выше трактовке может рассматриваться как его доступность в любой точке пространства и в любое время. Предсказуемость – в сопоставимости степеней и общей стандартизации образовательных критериев, методологий, в конвертируемости дипломов, согласно Болонскому процессу. Просчитываемость – в том, что образование теперь раскладывается на легко просчитываемые образовательные услуги все более и более однообразного качества. Контроль – в том, что все учителя и

профессора теперь «делают как положено», будучи ориентированы на единые тесты, а учащиеся – знают, как положено; это легко проверить и просчитать с помощью автоматизированных систем управления. Но, как показывает Ритцер, у каждого из этих факторов успеха имеется своя негативная сторона, сильно перевешивающая позитивную.

Так, гонка за эффективностью оборачивается ускорением ускорения образовательного процесса. Это автор замечательно описывает в главе с многоговорящим названием «Высшее образование: поставь крестик». В университетах, которые теперь часто называют «Макуниверситетами», оценка полученных студентами знаний проходит благодаря компьютерам буквально за секунды. «С этим может справиться любой ассистент» (с. 191). Профессора только должны раз в семестр менять вопросы в тестах, но и это максимально для них облегчено. «Издатели начали (бесплатно!) снабжать преподавателей учебниками», в которые уже включены тесты с разными вариантами вопросов и ответов. Чтобы не перепечатывать вопросы, их также можно получить на компьютерных дисках. «Все, что нужно профессору, – выбрать желательные вопросы, а все остальное сделает принтер» (с. 191). Еще одно достижение академической жизни: «За номинальную плату студенты могут приобрести конспекты лекций, написанные инструкторами, ассистентами и другими, первокурсниками студентами. Больше не надо неэффективным образом самому вести конспект, да и посещать лекции тоже стало неэффективной практикой. Студенты вольны предаваться более ценным занятиям, таким, например, как просматривание академических журналов в библиотеках и «мыльных опер» по телевизору» (с. 192). И, наконец, самое яркое достижение академической эффективности, которое свидетельствует о том, что ускорение ускорения образования приводит окончательно к его полной ликвидации, – это «возможность для студентов купить практически готовые курсовые работы в Интернете... Возможно даже ускоренное выполнение и доставка для тех студентов, которые откладывают жульничество на последние дни» (с. 193).

В России повышение эффективности образования также с недавнего времени стали связывать с заменой устных экзаменов тестами в вузах и в школе, с введением тестовой системы ЕГЭ, с ликвидацией вступительных экзаменов в вузы и упрощением тем самым процесса перемещения молодежи из школ в другие учебные учреждения. На первый взгляд, все стало удобнее, быстрее, эффективнее. Но за счет чего? За счет отчуждения образовательного процесса от мышления, минимизации т. н. субъективного фактора с помощью компьютерных программ и превращения образования из духовного производства в потребительскую услугу. Уже сейчас это привело к появлению массы жульнических схем, позволяющих получать аттестаты и дипломы в обход

образования (вспомним два громко нашумевших недавних скандала – с фиктивной сдачей ЕГЭ студентами МФТИ за выпускников школ и с «мертвыми душами» во «втором меде»). Таким образом, ускорение образования оборачивается в целом ряде случаев его полным испарением, и в перспективе – деинтеллектуализацией огромных масс населения России.

Следующий фактор «макдональдизации» – просчитываемость и вообще счетность. В соответствующей главе книги Ритцер очень убедительно показывает, что качественной стороне образовательного процесса в американских школах и вузах уделяется очень немного внимания. «Главное – это скорее сколько студентов (т. е. продуктов) можно прогнать через систему, и какие оценки им поставят, а вовсе не качество того, чему их учат и какой опыт они получают» (с. 231). Школьники и студенты – это «доллары», подобно тому как в ресторанах фастфуда «ходячими долларами» являются посетители, пришедшие подзаправиться калориями и углеводами. Вспомним вводимый также теперь у нас принцип «подушевого финансирования», наши «образовательные «Макдональдсы» (я имею в виду наши образовательные комплексы, основным фактором успешности которых выступает теперь большое количество учащихся), и сходство образовательных стратегий – налицо.

Баллы, рейтинги, ранги, численные индексы и прочие количественные показатели – вот что сегодня конституирует американскую систему фастфуд-образования. «Всю систему образования в старших классах школ и колледжах можно свести к одному показателю – GPA (grade point average, средний академический балл)» (с. 231). Со своим GPA школьники могут сдавать экзамены с численными индексами других специализированных тестов (MCAT, LSAT, SAT и GRE), которые сдаются, например, при поступлении в медицинскую школу или в юридический колледж, аспирантуру или магистратуру. Всякий абитуриент оказывается тождественен какому-то числу. **И все отношения внутри системы образования оказываются опосредованы числом.** «В результате колледжи, университеты и профессиональные училища могут ограничиться тремя-четырьмя цифрами при решении, принимать или нет данного человека в студенты» (с. 231). Выпускники вузов в надежде повысить свой рейтинг при найме на работу также пишут после своей фамилии различные аббревиатуры, означающие имеющиеся у них дипломы и степени. Но большое число букв после фамилии, как показывает жизнь, само по себе мало говорит о компетентности их владельца. В этой связи Ритцер считает весьма примечательным появление особых организаций, чьим единственным смыслом существования является снабжение клиентов бессмысленными дипломами, часто – по почте (с. 233). В США осуществляется рейтингование не только школьников и студентов, но и самих профессоров. «Хотя эти рейтинги по-своему полезны, они порой имеют

несчастливые последствия. Например, они имеют тенденцию выделять профессоров-актеров, с хорошим чувством юмора, и не предъявляющих особых требований к студентам. Серьезный профессор, который много требует от учеников, скорее всего, не получит высокой оценки в таком рейтинге, даже хотя он или она преподают более качественно (например, предлагают более глубокие идеи), чем остроумный актер» (с. 233).

Поскольку система рейтингования с самого начала перестройки стала активно апробироваться и отрабатываться в рамках ВШЭ и сейчас тщательно готовится коллективом ученых-экономистов (Я.Кузьминов, И.Фруммин, С.Косарецкий, И.Абанкина и др.) к широкому распространению на всю систему российского, в т. ч. московского образования (в рамках реализации, например, проекта «Социальный навигатор»),³ с целью **высчитываемости** качества каждой школы и труда каждого учителя, я сочла нужным чуть более подробно остановиться на данном аспекте «макдональдизации». (В книге, кстати, показано, какие колоссальные разрушительные последствия имеет процесс распространения рейтингования на фундаментальную науку и для фундаментальной науки. Но это уже выходит за рамки темы моего доклада.)

Следующий фактор – предсказуемость. Образование, входящее в индустрию фастфуда, так же, как и рестораны, должно гарантировать то, что «все продукты и услуги будут одинаковыми в любое время и в любом месте». Пример такого типа образования автор находит в «Университетах гамбургера», в которых происходит обучение работников «Макдональдса» корпоративной культуре. Предмет обучения – постоянство и методичность выполняемых рутинизированных операций. «В «Макдональдсе» существует ряд правил, которым должны следовать служащие, обращаясь к клиентам. Например, есть шесть фраз для обслуживания через проездное окошко: надо поприветствовать клиента, выслушать его пожелания, составить единый заказ, представить его клиенту, получить оплату, поблагодарить клиента, порекомендовать ему прийти еще раз» (с. 276). «Чтобы добиться предсказуемого мышления и поведения ресторанных менеджеров, «Макдональдс» направляет их в центральный «Университет гамбургера» или в один из его филиалов в США и по всему миру. Даже «профессора» в «Университете гамбургера» ведут себя предсказуемо, потому что «они работают согласно протоколам, разработанным факультетом по развитию персонала» (с. 277).

Если вы обратитесь к разработкам ВШЭ, например, к проекту «**эффективного контракта**» (С.Косарецкий),⁴ посвященному тому, как правильно процедуризировать труд учителя, чтобы он был полностью предсказуем и в силу этого легко просчитываем, то вы увидите, что тут опять происходят

заимствования того же свойства и с тех же фастфуд-образцов, даже в названии – «ЭФФЕКТИВНЫЙ контракт». Предполагается, например, что если выписать все процедуры и операции, которые должен осуществлять педагог того или другого разряда, тщательно их запротоколировать и прокалькулировать, то учителя смогут изготавливать учащихся, точно гамбургеры, одним и тем же наилучшим способом, а управленцы смогут с помощью контракта контролировать результативность работы учителя. Таким способом планируется и предлагается добиваться *предсказуемости труда учителей* в России.

Наконец, четвертый фактор «макдональдизации» – *контроль*. В сфере образования этому, как ни странно, все больше способствуют его компьютеризация и внедрение тестов. В рамках ЕГЭ не остается никакого места для проявления спонтанности и креативности учащегося. Ритцер совершенно справедливо фиксирует следующую проблему: «Школьников учат не только подчиняться авторитету, но и покорно следовать рационализированным процедурам механического заучивания и тестирования в условиях эксплуатации» (с. 319). Самым лучшим хранителем рационализированных процедур оказывается компьютер. Вводя учащихся уже начальной школы в мир тотальной компьютеризации, мы вводим их в мир тотального контроля, которым пронизан весь взрослый «макдональдизированный» мир. Ритцер вообще называет компьютерные технологии «нечеловеческими технологиями», новым средством ускоренной тэйлоризации общества. «Замена людей машинами – это и есть конечная стадия контроля над людьми: они больше не могут вызывать неопределенность и непредсказуемость, потому что больше не включены в процесс, по крайней мере, напрямую» (с. 299). Весьма примечательно, что компьютеризация российского образования авторами доклада «Российская школа: оптимистическая модернизация» указывается в качестве важнейшего завоевания постсоветской России. Цитируя Ритцера, приведу всего один контрпример из его книги: «Пилоты, ведущие современный компьютеризированный самолет (как «Боинг 777» или «Аэробус 380»), тоже контролируются и вследствие этого дисквалифицируются. Вместо того, чтобы вести самолет «по наитию» и время от времени пользоваться старомодным автопилотом при выполнении наиболее простых маневров, современным пилотам можно нажать несколько кнопок и откинуться в кресле, пока самолет движется к пункту прибытия и садится на заранее определенную посадочную полосу». Как сказал один из чиновников Федерального управления гражданской авиации: «Мы забираем все больше и больше функций из-под контроля человека и передаем их машине». Эти самолеты во много раз надежнее, чем старые, менее развитые модели. Однако пилоты, зависимые от этих технологий, теряют способность творчески действовать в кризисных ситуациях. Проблема в том, как сказал один из менеджеров авиакомпании, «у меня нет компьютеров, которые

смогут это сделать... У меня их просто нет» (с. 315). Я думаю, вы сами сможете воспользоваться данным примером как моделью и найти ему немало аналогий не только в российском «егэзированном» образовании, но и более широко – в нашей повседневности, буквально испещренной сообщениями об авиакатастрофах.

«Макдональдизация», как убедительно показывает Ритцер в своем исследовании, является на самом деле новой формой тэйлоризма. Сведение разных сфер практики и типов деятельности, в т. ч. педагогической деятельности, к последовательности автоматизированных операций, превращение людей в придатки конвейера (а в XXI веке – особенно хорошо автоматизированного конвейера) – это старые «грабли», только в новой упаковке. Человечество уже наступало на них не раз, в т. ч. тогда, когда построило концлагеря (это не я, а сам Ритцер, американец (!), продолжая исследования целого ряда других американских ученых, например, З.Баумана⁶, выстраивает такую аналогию между «макдональдизацией» XXI века и железными клетками Холокоста века XX-го (с. 115)): И образование тут сыграет решающую роль. Будучи вписанным в процесс всеобщей «макдональдизации», образование фастфуда, «макдональдизированное» образование – это конвейерное образование. Под видом «демократизации» и «оптимистической модернизации» образования у нас, по сути дела, прививают новую форму тэйлоризма, которая приведет не к свободе, а, наоборот, к рабству огромного количества людей, включенных в новые, «макдональдизированные» практики потребления.

1 <http://strategy-2020.com/ru/article/rossiiskaya-shkola-optimisticheskaya-modernizatsiya>(11.08.2011)

2 Джордж Ритцер «Макдональдизация общества 5» / Пер. с англ. А.В. Лазарева; вступ. ст. Т.А. Дмитриева. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. – 592 с. – (Серия «Образ общества»).

3 http://ria.ru/news_company/20110219/336163998-print.html (от 09.09.2011).

МОСКВА, 19 фев. – РИА «Новости». РИА «Новости» совместно с Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) определит критерии и разработает методику для создания рейтинга общеобразовательных школ России, который будет создан в рамках проекта «Социальный навигатор». Проект «Социальный навигатор» был презентован РИА «Новости» осенью прошлого года, его руководитель – член Совета по правам человека, журналист Ирина Ясина. В рамках проекта уже опубликованы

рейтинги российских вузов, планируется создать рейтинги объектов социальной сферы.

По словам заместителя руководителя отдела «Социальные рейтинги» РИА «Новости» Натальи Тюриной, авторы рейтинга общеобразовательных учреждений планируют создать ресурс, который позволил бы родителям легче ориентироваться при выборе школы для своего ребенка.

«На базе мультимедийных возможностей РИА «Новости» мы хотим создать ресурс, который позволил бы каждой семье увидеть, какие возможности у нее есть при выборе образовательных учреждений», – отметила Тюрина на круглом столе, проходящем в рамках 8-й Международной научно-практической конференции.

Она добавила, что методика создания рейтинга школ может быть опробована на территории Москвы и Московской области, а также в тех регионах, которые захотят принять участие в проекте. «А затем, с учетом полученного опыта, методика может быть предложена другим регионам России и для формирования полной базы», – сказала заместитель руководителя отдела.

По словам Тюриной, в результате опроса, проведенного на сайте РИА «Новости», главным критерием при выборе школ пользователи выбрали профессионализм учителей, близость школы к дому и хорошие учебные результаты учеников.

4 <http://strategy2020.rian.ru/news/20110803/366119499.html> (10.08.2011)

5 Так, в штате Индиана американских школьников больше не собираются учить писать от руки и планируют учить только компьютерной грамотности: «15.07.11. Департаментом образования штата Индиана принято постановление, которое начинает действовать осенью. Оно предполагает упразднить обучение детей письму в школах. Тетради будут заменены клавиатурой компьютера. За администрацией школы остается право решать, полностью или нет отказываться от письма. Но это не касается начальной школы. Полностью отказаться от письма можно будет только после четвертого класса и старше. Некоторых родителей постановление возмутило: они заявили, что их дети не смогут даже поставить подпись при приеме на работу». <http://www.detiseti.ru/modules/news/article.php?storyid=5950> (11.08.2011); см.

также: http://tvrain.ru/news/v_shkolakh_ssha_ne_budut_uchit_pisat_ot_ruki/ (11.08.2011); <http://ru.nr2.ru/technology/11/07/07/> (11.08.2011) и др.

6 Bauman Z. Modernity and the Holocaust. N.Y. Cornell University Press, 1989. Перевод этой книги на русский язык был опубликован в 2010 году под

заголовком «Актуальность Холокоста»: Бауман З. Актуальность Холокоста. М.: Европа, 2010